

УДК 001.891

DOI:

10.15372/PS20200403

Н.В. Николина**СПЕЦИФИКА ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИХ ПРОГРАММ В
СОЦИОЛОГИИ НАУКИ: НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ**

В статье рассматривается научная дискуссия, развернувшаяся вокруг критики эпистемологических программ в современной социологии науки: релятивистской (Г. Коллинз), конструктивистской (К. Кнорр-Цетина, Р. Крон) и дискурс-анализа (М. Малкей, Н. Гилберт). Представлена дискуссия между Т. Гиерином, Г. Коллинзом, М. Малкеем, Н. Гилбертом, К. Кнорр-Цетиной и Р. Кроном, организованная в форме ответных статей в научном журнале. Отвечая на критику, авторы концентрируют внимание не на отдельных исследованиях, а на ключевых особенностях методологии программ, что позволяет проанализировать специфику современных программ социологии науки.

Ключевые слова: конструктивизм; релятивизм; дискурс-анализ; методология; социология науки

N.V. Nikolina**SPECIFICITY OF EPISTEMOLOGICAL PROGRAMS
IN SOCIOLOGY OF SCIENCE: SCIENTIFIC DISCUSSIONS**

The article considers a scientific discussion developed in relation to the criticism of epistemological programs in modern sociology of science: relativism (H. Collins), constructivism (K. Knorr-Cetina, R. Krohn) and discourse analysis (M. Mulkay, G.N. Gilbert). The discussion between Th. Gieryn, H. Collins, M. Mulkay, G.N. Gilbert, K. Knorr-Cetina and R. Crohn organized in the form of reply articles in a scientific journal is presented. In responding to criticism, the authors focus not on certain studies, but on the key features of the program methodology, which makes it possible to analyze the specific character of modern programs of the sociology of science.

Keywords: constructivism, relativism, discourse analysis, methodology, sociology of science.

В современной социологии науки можно выделить три наиболее актуальные эпистемологические программы: релятивистскую (Г. Коллинз), конструктивистскую (К. Кнорр-Цетина, Р. Крон) и дискурс-анализ (М. Малкей, Н. Гилберт) [7]. Их актуальность обусловлена тем, что меняется иерархия эпистемологических и методологических ценностей,

а следовательно, меняется и природа истины, на передний план выдвигаются принципы индетерминизма, полипарадигмальности, релятивизма, конструктивизма, контекстуализма, конвенционализма и др. [2]. Исследователи отмечают, что произошел новый поворот в определении онтологии социального [1]. Однако по отношению к релятивизму как серьезной методологической программе в научном сообществе стараются занимать «выжидающе нейтральную» позицию: «применение понятия релятивизма требует понимания всех тонкостей ситуации, когда релятивизм правомерен и необходим для методологии той или иной социальной, гуманитарной науки, а тем более требует корректного использования в методологии естествознания» [2, с. 159].

Научная дискуссия, развернувшаяся вокруг критики релятивистской и конструктивистской программ, представлена не в виде дискуссии, характерной для симпозиумов и круглых столов. Она организована в форме ответных статей в научном журнале. Такая форма научной дискуссии более информативна и лучше структурирована. Автор подробно обосновывает свою позицию, что проблематично в дискуссии в рамках круглого стола. В данной статье приведена научная дискуссия между Т. Гиерином, Г. Коллинзом, М. Малкеем, Н. Гилбертом, К. Кнорр-Цетинной и Р. Кроном. Подобная форма дискуссии полезна не только, как признаются авторы, в качестве упражнения в аргументации, но и для раскрытия основных аспектов современных эпистемологических программ в социологии науки. Отвечая на критику, авторы концентрируют внимание не на отдельных исследованиях, а на ключевых особенностях методологии программ, что позволяет проанализировать их общих методологических позиций.

Критика релятивистской и конструктивистской программ

Т. Гиерин выдвигает две основные претензии в отношении теоретических и методологических аспектов релятивистской и конструктивистской программ. Во-первых, эмпирические данные, представленные в этих исследованиях, излишни: они влекут за собой выводы, давно предсказанные и часто подтверждаемые исследованиями более ранних традиций, что демонстрирует псевдоновизну указанных программ. Многие эмпирические выводы релятивистской и конструктивистской программ, если их лишить полемических манифестов и модных неологизмов, можно было ожидать как вытекающие из теорий Р. Мертона. Во-

вторых, любая новизна, являющаяся частью релятивистской и конструктивистской программ, – это отступление от конститутивных вопросов социологии науки. Конститутивные вопросы – фундаментальные вопросы для любого отдельного исследования, но служащие ориентирами для определения значимости в вопросах меньшего масштаба [7]. Конститутивно-исторический вопрос социологии науки – это вопрос о предпосылках и росте научного знания: каковы предпосылки становления науки XVII в. и ее восхождения через четыре столетия на позицию познавательной монополии на определенные сферы? Чтобы ответить на этот исторический вопрос, требуется исследование конститутивно-аналитического вопроса: что делает науку уникальной среди других институтов? Для иллюстрации своей позиции Т. Гиерин приводит метафору У. Куайна, которая представляет научное знание как корабль с моряками, заменяющими изношенные доски, так же как ученые заменяют изношенные теории [7]. Через некоторое время корабль может полностью состоять из новых досок, но их нельзя было менять все сразу, иначе корабль утонул бы. Таким образом, ученые не отбрасывают старые теории, если только предложенная альтернатива работает более эффективно. Это может представлять интерес, но, вероятно, это мало что говорит нам о том, как корабль держится на плаву.

Т. Гиерин выделяет три направления исследования в релятивистской и конструктивистской программах, которые являются «избыточными», т.е. не новыми в социологии науки [7].

Первое направление связано с исследованием значимости социальных и культурных факторов в построении научного знания. Для социолога науки это трюизм, включающий три части: во-первых, исследование «естественного мира» – недостаточное условие для объяснения того, что создано и принято как научное убеждение, во-вторых, социальные и культурные факторы имеют такое же значение в построении научной истины, как и в формировании научного заблуждения; в-третьих, интерпретация научных убеждений носит контекстуальный характер, а смысл фактов или теорий зависит от комплекса мотивов, интересов и пресуппозиции, прикрепленных к локальным актам научной деятельности. Т. Гиерин отмечает, что Р. Мертон развивал это направление в программном заявлении 1945 г.: «Коперниканская революция в этой области исследования состояла в гипотезе, что не только ошибка, иллюзия или неподтвержденное убеждение, но и открытие истины социально предопределены... Социология знания возникла из ключевой гипотезы о том, что поиск истины имеет социальный контекст» [11, р. 11]. Кроме этого,

данная Г. Коллинзом характеристика третьей фазы релятивистской программы, утверждающая взаимосвязь знания и производства с социальными и политическими структурами, была предвосхищена в работе Р. Мертона «Взаимодействие науки, техники и общества в Англии XVII в.».

Второе направление связано с пониманием того, что наука – это не механический процесс копирования фактов из компьютерных распечаток: она полна сомнений, неуверенности, нерешительности и, следовательно, нуждается в конвенции. Исследования неопределенности и конвенциональности в научной практике в рамках релятивистских программ Г. Коллинза, Т. Пинча и Д. Трэвиса дают информативные «проблески» науки за завесой научного журнала. Однако Т. Гиерин указывает на то, что за завесой исследований релятивистской программы обнаруживаются идеи Р. Мертона. Предложенные Г. Коллинзом «скептический взгляд» [4, р. 52] и Д. Трэвисом «амбивалентность» [17, р. 170] применительно к ученым были обозначены Р. Мертоном как «методологический и институциональный человекообраз» [11, р. 277], который побуждает ученых «разбирать и оценивать каждую новую претензию на знание» [11, р. 339], т.е. как аналитическую конструкцию, которая связывает институциональную цель науки с предписанными моделями поведения.

Третье направление включает исследование того, как убеждения и предположения ученых определяются более поздними конструкциями «новых» научных убеждений, т.е. как принятые в науке знания ограничивают возможности научных гипотез. Суть спора состоит в том, чтобы ответить на вопрос: когнитивные нормы (существующие знания) или нормы социальные ограничивают исследования ученых? Например, Б. Харви считает, что научные споры прекращаются тогда, когда научные истины примиряются с «кажущейся неизбежностью принятых убеждений» [8, р. 125]. А. Пикеринг предлагает термин «отсылка назад»: ученые ссылаются на устоявшиеся знания и практики [13, р. 130]. Эти и другие исследования напоминают нам о том, что убеждения не должны иметь статус бестелесных истин, чья истинность покоится только на корреспондентской позиции. Убеждения возникают в результате анализа предыдущих конвенций и построений знаний, который осуществляется в определенных социальных и культурных контекстах. Т. Гиерин указывает, что данное направление тоже не является новым в области социологии науки, и приводит в качестве примера дискуссию между Т. Куном и Р. Мертоном, в которой Т. Кун выступает как сторонник идеи о влия-

нии когнитивных норм, а Р. Мертон – как сторонник влияния социальных норм [16].

Кроме этого, Т. Гиерин критикует релятивистскую и конструктивистскую программы за отступление от решения конститутивного вопроса социологии науки [7].

Первое отступление – это шаг назад к «социологическому редукционизму», который объясняется случаем заблуждения «ничего, кроме». Для релятивистской программы то обстоятельство, что социальные и культурные факторы имеют существенное значение для построения научного знания, становится достаточным основанием для предположения, что они являются единственными релевантными элементами. «Эмпирические исследования в рамках релятивистской программы демонстрируют, что научное знание не является результатом *ничего, кроме* социальных процессов интерпретаций и сражений между конкурирующими интересами» [7, р. 288]. Претензия Т. Гиерина состоит в том, что Г. Коллинз далеко уходит от конститутивного вопроса – вопроса о том, что делает науку уникальной среди других институтов, производящих знание. В понимании Т. Гиерина значение влияния природных факторов на производство знания не должно принижаться на фоне влияния социальных факторов – это и делает науку уникальной. В то время как Г. Коллинз, по мнению Т. Гиерина, аргументирует позицию, состоящую в том, что «ничего, кроме» социальных факторов не влияет на становление научного знания.

Второе отступление заключается в том, что релятивистская и конструктивистская программы ограничиваются исследованиями «локальных отчетных процедур». Предполагаются две методологии: дискурс-анализ (С. Вулгар, М. Малкей, Н. Гилберт) и этнографические наблюдения в лабораториях (К. Кнорр-Цетина). Императивом изучения науки на уровне лабораторной жизни является обоснованное предположение о том, что деятельность ученых и предлагаемые ими интерпретация полученных данных индивидуальны и однозначно определяются организацией локальных исследовательских контекстов. Выбор лаборатории как площадки для социологического исследования приводит к преувеличению теоретической значимости самого исследования. Аналогичная ситуация возникает при анализе дискурса ученых. Аналитики дискурса уходят от контекстов научных действий и исследуют, как и почему ученые производят различные версии собственных действий. С. Вулгар предполагает, что ученые по-разному подчеркивают роль природного мира и социальных факторов в зависимости от контекста их возникнове-

ния. Д. Поттер предлагает характеристику «случай интерпретации интерпретаций» [14], объясняя, что ученые конструируют и реконструируют смысл своего действия в гибкой манере, поэтому социологи науки могут дать интерпретации версий, но не способны адекватно объяснить поведение ученых. Все это приводит, по мнению Т. Гиерина, к смещению целей социологического исследования: дискурс-анализ и этнографические наблюдения могут быть использованы как вспомогательные программы, но не могут выступать отдельными специализированными исследованиями.

Общий вывод Т. Гиерина заключается в том, что, во-первых, релятивистская и конструктивистская программы не являются предпочтительными на фоне других теоретических ориентаций в социологии науки, например теории Р. Мертона, а во-вторых, они не отвечают на конститутивные вопросы: что делает науку уникальной среди других институтов, производящих знание, и как наука приходит к тому, чтобы утвердиться в качестве законного «арбитра» достоверного знания? [7]

Ответ Г. Коллинза

Г. Коллинз не отрицает, что конститутивные вопросы социологии знания имеют большое значение, однако они не являются определяющими для его области исследования. По мнению Г. Коллинза, Т. Гиерин указал на тот момент, который в последние несколько лет привел к некоторым ненужным спорам между релятивистской и мертоновской школами. Релятивисты занимаются в первую очередь природой человеческого знания, тогда как исследователи мертоновской школы – природой научного сообщества. Релятивисты предпочитают изучать науку только потому, что она считается каноническим примером знания, или потому, что это легкодоступный институт производства знаний, который выставляет на всеобщее обозрение большую часть своих процессов [3].

Отвечая на вопрос о том, является ли релятивизм излишним, поскольку его открытия были или могли быть предвосхищены Р. Мертоном, Г. Коллинз останавливается на следующих аргументах:

1. Для начала нужно решить, что значит «быть ожидаемым». Г. Коллинз приводит слова А. Уайтхеда, на которые опирается Р. Мертон: «Приблизиться к истинной теории и понять ее точное применение – это две очень важные, но разные вещи, как учит нас история науки. Все, что имеет значение, – это уже было сказано кем-то, кто не открыл ее (теорию – *Н.Н.*)» (цит. по: [11, р. 8]). Г. Коллинз делает вывод,

что точный смысл теории или программного утверждения содержится не в самом утверждении, а в его практическом воплощении. Однако даже программные заявления Р. Мертона, процитированные Т. Гиерином, не могут быть ошибочно приняты за предвосхищение современной программы, если только Р. Мертон не намеревался сказать помимо того, что условия существования научной практики являются социальными и что фокус внимания науки частично социально обусловлен, также и то, что сами открытия науки частично социально обусловлены.

2. Наиболее важным элементом в релятивистской позиции является методологический, а не философский. Многое можно получить, рассматривая релятивистскую перспективу как эвристическую, а не как конститутивное правило. Речь идет о целостности подхода к данным науки и о том, с какой «решительностью» следует проводить социологический анализ: «социологический анализ научного знания может и должен быть продвинут как можно дальше. Важно, чтобы эта задача не казалась в конечном счете бесполезной из-за здравомыслящей интерпретации явлений науки» [5, p. 438]. Сторонники релятивистской школы с их глубоким техническим опытом и обширной полевой работой хорошо знакомы с тем фактом, что отдельные ученые часто генерируют экспериментальные результаты, которые противоречат ожиданиям. Показательно, что Т. Гиерин рассматривает индивидуальные результаты в качестве решения эпистемологической проблемы относительно того, как научное сообщество строит обобщения из своих взаимодействий с природой. Социологические вопросы касаются того, когда неожиданный результат принимается и когда он отвергается не только отдельным ученым и его ближайшими коллегами, но и научным сообществом в целом. Любое количество «двойных слепых» тестов или подобных технических вариаций не решает данной проблемы. Это должно быть озарением, вызванным здравым взглядом на науку. Эмпирическая программа релятивизма предлагает новый способ формулирования и исследования проблемы.

3. Для обозначения места релятивистской программы в сравнении с мертоновской программой Г. Коллинз указывает на различие между конститутивными и регулятивными правилами, которое предложил Д. Серл [15]. Если мы возьмем в качестве примера игру в шахматы, то определяющим правилом будет: «король может передвигаться за раз только на одну клетку». Если это правило нарушено, то игра, в которую играют, больше не является шахматной. Таким образом, правило конститутивно для игры в шахматы. Регулирующим правилом шахмат было

бы: «попытайтесь получить контроль над центральными квадратами». Вы можете играть в шахматы, не следуя этому правилу, но есть вероятность, что вы будете играть в шахматы лучше, если будете ему следовать. Суть сравнения заключается в том, что по методологическим причинам релятивизм стал бы казаться привлекательным для мертоновской школы как регулятивное правило. Если удастся изгнать «страх перед релятивизмом», исследование и обсуждение релятивистской программы Т. Гиерином может стать началом важного диалога [3].

Ответ М. Малкея и Н. Гилберта

М. Малкей и Н. Гилберт указывают на главную ошибку Т. Гиерина: он неправильно разделит поле исследования, т.е. было неверным относить дискурс-анализ к той же категории, что и релятивизм или конструктивизм. М. Малкей и Н. Гилберт отмечают, что современные исследования в социологии науки действительно не стремятся ответить на «традиционные» вопросы, вместо этого социологи науки занимаются другими вопросами, которым придается аналитический и методологический приоритет. Конститутивным вопросом для исследователей в области социологии науки является вопрос: «с учетом эмпирических данных о действиях ученых и убеждениях как на самом деле работает наука?» [12, р. 311]. Однако дискурс-анализ отличается от релятивистской и конструктивистской программ в поиске ответа на этот вопрос [12].

«Мало того, – замечают М. Малкей и Н. Гилберт, – что отчеты разных ученых различаются, мало того, что отчеты каждого ученого различаются в письмах, лабораторных записях, интервью, материалах конференций, научных работах и т.д., так еще каждый ученый предлагает радикально различные версии событий, скажем в рамках одного записанного интервью или одного сеанса записанной на пленку дискуссии на конференции» [12, р. 312]. Аналитик, как и участник научной деятельности, всегда может извлечь «окончательную» версию событий. Но опыт М. Малкея и Н. Гилберта показывает, что процесс переинтерпретации, осуществляемый для того, чтобы получить исчерпывающую, окончательную версию, может привести к твердым выводам только при игнорировании многочисленных интерпретационных неопределенностей. Самое большее, что удалось сделать, это рекомендовать тем исследователям, которым посчастливилось работать с эмпирическим материалом, специально изучить его на предмет интерпретативной изменчивости и предложить

альтернативную форму анализа, которая превращает неразрешимую методологическую ответственность в генеративный аналитический ресурс.

Однако невозможно устранить интерпретационную зависимость путем сбора больших объемов данных, поскольку чем больше данных и чем они разнообразнее, тем труднее становится сформулировать последовательный и обоснованный аналитический вывод. Альтернативным и предпочтительным решением этой дилеммы является изменение вопроса. Вместо того чтобы спросить, что же на самом деле происходит в науке, мы должны попытаться спросить: как ученые строят свои версии того, что происходит в науке. Таким образом, руководящая цель дискурса-анализа состоит не в том, чтобы дать окончательные объяснения социального действия и утверждения в науке, а в том, чтобы показать, как ученые используют интерпретации и учетные устройства для создания различных версий своего социального мира в различных интерактивных условиях [12].

Ответ К. Кнорр-Цетины и Р. Крона

К. Кнорр-Цетина отмечает, что в некоторых аспектах согласна с Т. Гиерином: «Основатели социологического поля исследований слишком часто выступают в роли “козлов отпущения” по отношению к устаревшей дисциплинарной практике, против которой каждая новая волна социологов чувствует себя вынужденной вести “донкихотовское сражение”» [9, р. 320]. При этом К. Кнорр-Цетина и Р. Крон, выступая в защиту программ, скорее стремятся разъяснить те противоречия, с которыми столкнулся Т. Гиерин, а именно следующие:

1. Эпистемологическая позиция, которая часто неправильно понимается, – это релятивизм. Аргументы против релятивизма обычно принимают одну из двух форм. Первая форма являет собой вызов релятивизму, основанный на том, что его сторонники не пытаются пройти сквозь стену или (в версии, приписываемой И. Лакатосу) выйти из окна на тридцатом этаже, чтобы попасть на уровень улицы [9; 10]. Отсюда вытекает, что релятивизм отрицает существование материального мира и что это отрицание благоразумно, но несколько лицемерно приостановлено в повседневном поведении релятивистов. Второй аргумент против релятивизма, который часто встречается (и пропагандируется в статье Т. Гиерина), состоит в том, что релятивизм не может объяснить тот факт, что ученые постоянно удивляются результатам своей научной деятель-

ности. Оба типа аргументов в корне ошибочны в том смысле, что в них эпистемический релятивизм ошибочно принимается за субъективный релятивизм. «Эпистемический релятивизм – это очень осторожная эпистемологическая перспектива, направленная прежде всего против более смелых доктрин эпистемического реализма» [9, p. 321].

2. Критика Т. Гиерина – результат его предпочтения внешней и макроscopicкой социологии науки, противоречащей внутреннему и микроскопически ориентированному проекту, к которому приступил конструктивизм. Во-первых, эти два проекта отвечают на разные вопросы и могут рассматриваться как дополняющие друг друга. Во-вторых, важно понимать, что если социология знания хочет выйти из прежних тупиков, то у нее может не быть иного выбора, кроме как обратиться к своему предмету в микроскопической и интерналистской перспективе. Макроскопически ориентированная социология знания неизменно оказывается моделью конгруэнтности, которая основана на предполагаемых изоморфизмах, или сходствах, между структурой либо организацией общества и содержанием нашего знания. Однако необходима не модель конгруэнтности, а скорее генетическая модель, которая точно показывает, как и в силу каких механизмов социальные факторы входят в конкретные требования знания [9; 10].

3. Конструктивизм не стремится давать «социальные» объяснения в общепринятом социологическом смысле этого термина, поскольку то, что следует считать «социальным», а что «несоциальным», само обсуждается в научной практике, «социальное» не может быть беспроblemно допущено в качестве ресурса аналитика при описании практики. Вместо того чтобы опираться на «социальное» для объяснения научного знания, можно увидеть, как само «социальное» вырастает из конструкции этого знания. Кроме того, научные объекты создаются в конкретных местах научного действия, поэтому аналитику, изучающему современную научную практику, следовало бы попытаться получить доступ к этим местам. Процесс производства новых научных объектов, а также процесс их принятия должны быть тщательно изучены путем непосредственного наблюдения за местом научной работы. Место конструирования научных объектов – это место действия, в котором такие объекты генерируются и трансформируются [9; 10].

Ответ Т. Гиерина

Общий вывод Т. Гиерина заключается в том, что представители конструктивистской, релятивистской программ и дискурс-аналитики так

и не ответили на вопрос, привели ли релятивистские и конструктивистские программы, непосредственно касающиеся научного знания, к выводам, которые заставляют пересмотреть или переосмыслить мертоновские исследования науки как социального института. Основная претензия состоит в том, что современные социологи науки не видят, как вклад Р. Мертона можно использовать в исследованиях. Например, описание релятивистской программы как «избыточной» основано на чтении работ Г. Коллинза и Р. Мертона, которые находят мало эмпирических или теоретических несовместимостей. То, что М. Малкей и Н. Гилберт называют «стремлением к окончательной версии событий» и того, что действительно происходит в науке, можно назвать «выбором проблемы». «Выбор проблемы – это одна из частей того, что происходит в науке; описание учеными того, что происходит, – это другая часть» [6, р. 333]. То, что отличает микроориентацию К. Кнорр-Цетины, – это ее предпочтение научной лаборатории как площадки для непосредственного наблюдения за социальным строительством научного знания. Материал, собранный в ходе такой антропологической полевой работы, будет использован для того, чтобы сделать выводы не только о локальном исследовательском контексте, но и о науке как социальном институте [6].

Данная дискуссия позволяет, вопреки протестам Т. Гиерина, выявить именно методологические различия между парадигмой Р. Мертона и эпистемологическими программами социологии науки. Стоит отметить, что авторы программ социологии науки останавливаются на методологических особенностях программ, не умаляя при этом вклада Р. Мертона и других социологов в развитие социологического исследования науки. Специфика эпистемологических программ социологии науки, которая обозначена в дискуссии, заключается в следующем:

1. *Методологический вопрос.* М. Малкей и Н. Гилберт отмечают, что то, какой вопрос задает себе исследователь, определяет методологию [12]. Все авторы подчеркивают, что современные программы социологии науки не направлены на поиск ответа на конститутивные вопросы, которые были актуальны для историков науки (Т. Кун, И. Лакатос) и для создателей парадигмы социологии знания (Р. Мертон, М. Вебер, К. Мангейм). Основной методологический вопрос эпистемологических программ социологии науки – как на самом деле работает наука. При этом в каждой программе разрабатываются микроисследования, которые не

конкурируют, а дополняют друг друга. Основу исследований составляют ученый и его научная деятельность: дискурс-аналитики рассматривают интерпретации версий, предлагаемые учеными, конструктивисты – конструирование объекта в лабораторных условиях, релятивисты – социальные факторы выбора, направленности научной деятельности и получаемых в ней выводов.

2. *Проблема роста научного знания и ее решение.* Данная проблема также связана с конститутивным вопросом. Методологические стратегии наращивания научного знания, которые были предложены историками науки (К. Поппер) и социологами (К. Маркс, Р. Мертон), «слишком фундаментальны», по мнению представителей современных программ социологии науки [3; 9; 10; 12]. Это приводит исследователей к предложению таких же фундаментальных оснований, которые определяют рост научного знания (например, парадигма). Авторы указывают на то, что в микроориентациях, ситуационных исследованиях невозможно найти фундаментальные ответы или предпосылки. Поэтому аналитик может проследить только генерацию научного знания в определенных условиях (лабораторных, кабинетных) или версиях интерпретаций. Это приводит к релятивизму, но, как уже говорилось, согласно Г. Коллинзу, если мы избавимся от «страха перед релятивизмом», исследование и обсуждение релятивистской программы может стать началом важного диалога [3].

3. *Перспективы исследований.* Несмотря на то что авторы не стремятся отвечать на конститутивные вопросы и строят свою методологию вокруг микроисследований, программы могут быть направлены на изучение традиционных тем, например открытия, выбора теории, конвенции, норм или исторического развития исследовательских областей [12]. Указывая на явную дихотомию между современными и классическими исследованиями в социологии науки, представители современных программ тем не менее остаются открытыми для диалога, в отличие от представителей мертоновской школы. Как отметила К. Кнорр-Цетина, такое взаимодействие позволит превратить социологию науки в «мощное предприятие», так как усилия, которые направлены на понимание того, как на самом деле работает наука, только начались [9].

Литература

1. *Ерофеева М.А.* Релятивистская программа в социологии: От повседневности к новой онтологии социального // Социологические исследования. – 2014. – № 1. – С. 134–137.

2. *Социальная эпистемология: идеи, методы, программы* / Под ред. И.Т. Касавина. – М., 2010. – 712 с.
3. *Collins H.M.* Knowledge, Norms and Rules in the Sociology of Science // *Social Studies of Science*. – 1982. – Vol. 12, Iss. 2. – P. 299–309.
4. *Collins H.M.* Son of Seven Sexes: The Social Destruction of a Physical Phenomenon // *Social Studies of Science*. – 1981. – Vol. 11, Iss.1. – P. 33–62.
5. *Collins H.M., Cox G.* Recovering Relativity: Did Prophecy Fail? // *Social Studies of Science*. – 1976. – Vol. 6, Iss.3–4. – P. 423–444.
6. *Gieryn Th.F.* Not-Last Words: Wom-Out Dichotomies in the Sociology of Science (Reply) // *Social Studies of Science*. – 1982. – Vol. 12, Iss. 2. – P. 329–333.
7. *Gieryn Th.F.* Relativist/Constructivist Programmes in the Sociology of Science: Redundance and Retreat // *Social Studies of Science*. – 1982. – Vol. 12, Iss. 2. – P. 279–297.
8. *Harvey B.* Plausibility and the Evaluation of Knowledge: A Case-Study of Experimental Quantum Mechanics // *Social Studies of Science*. – 1981. – Vol. 11, Iss.1. – P. 95–130.
9. *Knorr-Cetina K.D.* The Constructivist Programme in the Sociology of Science: Retreats or Advances? // *Social Studies of Science*. – 1982. – Vol. 12, Iss. 2. – P. 320–324.
10. *Krohn R.* On Gieryn on the 'Relativist/Constructivist' Programme in the Sociology of Science: Naïveté and Reaction // *Social Studies of Science*. – 1982. – Vol. 12, Iss. 2. – P. 325–328.
11. *Merton R.K.* The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations / Ed. by N.W. Storer. – Chicago: University of Chicago Press, 1973. – 605 p.
12. *Mulkay M., Gilbert G.N.* What is the Ultimate Question? Some Remarks in Defence of the Analysis of Scientific Discourse // *Social Studies of Science*. – 1982. – Vol. 12, Iss. 2. – P. 309–319.
13. *Pickering A.* The Role of Interests in High-Energy Physics // *The Social Process of Scientific Investigation* / Ed. by K.D. Knorr, R. Krohn, R. Whitley, P. Richard. – Springer Netherlands, 1981. – Vol. 4. – P. 107–138.
14. *Potter J.* What is Reflexive about Discourse Analysis? The Case of Reading Readings // *Knowledge and Reflexivity. New Frontiers in the Sociology of Knowledge* / Ed. by S. Woolgar. – London: Sage, 1988. – Ch. 3. – P. 37–55.
15. *Searle J.* *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1969. – 203 p.
16. *Stehr N.* The ethos of science revisited: Social and cognitive norms // *Sociological Inquiry*. – 1978. – Vol. 48. – P. 172–196.
17. *Travis D.* On The Construction of Creativity: The 'Memory Transfer' Phenomenon and the Importance of Being Earnest // *The Social Process of Scientific Investigation* / Ed. by K.D. Knorr, R. Krohn, R. Whitley, P. Richard. – Springer Netherlands, 1981. – Vol 4. – P. 165–193.

References

1. *Erofeeva, M.A.* (2014). Relyativistskaya programma v sotsiologii: Ot povsednevnosti k novoy ontologii sotsialnogo [Relativistic program in sociology: From routine to a new ontology of the social]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 1, 134–137.
2. *Kasavin, I.T.* (Ed.). (2010). *Sotsialnaya epistemologiya: idei, metody, programmy* [Social Epistemology: Ideas, Methods, Programs]. Moscow, Kanon+ Publ., 712.
3. *Collins, H.M.* (1982). Knowledge, norms and rules in the sociology of science. *Social Studies of Science*, Vol. 12, Iss. 2, 299–309.

4. *Collins, H.M.* (1981). Son of seven sexes: The social destruction of a physical phenomenon. *Social Studies of Science*, Vol. 11, Iss. 1, 33–62.
5. *Collins, H.M. & G. Cox.* (1976). Recovering relativity: Did prophecy fail? *Social Studies of Science*, Vol. 6, Iss. 3-4, 423–444.
6. *Gieryn, Th.F.* (1982). Not-last words: Worn-out dichotomies in the sociology of science (Reply). *Social Studies of Science*, Vol. 12, Iss. 2, 329–333.
7. *Gieryn, Th.F.* (1982). Relativist/constructivist programmes in the sociology of science: retreats or advances? *Social Studies of Science*, Vol. 12, Iss. 2, 279–297.
8. *Harvey, B.* (1981). Plausibility and the evaluation of knowledge: A case-study of experimental quantum mechanics. *Social Studies of Science*, Vol. 11, Iss. 1, 95–130.
9. *Knorr-Cetina, K.D.* (1982). The constructivist programme in the sociology of science: retreats or advances? *Social Studies of Science*, Vol. 12, Iss. 2, 320–324.
10. *Krohn, R.* (1982). On Gieryn on the "relativist/constructivist" programme in the sociology of science: naïveté and reaction. *Social Studies of Science*, Vol. 12, Iss. 2, 325–328.
11. *Merton, R.K. & N.W. Storer* (Ed.). (1973). *The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations*. Chicago, University of Chicago Press, 605.
12. *Mulkay, M. & G.N. Gilbert.* (1982). What is the ultimate question? Some remarks in defence of the analysis of scientific discourse. *Social Studies of Science*, Vol. 12, Iss. 2, 309–319.
13. *Pickering, A.* (1981). The role of interests in high-energy physics. In: Knorr, K.D., R. Krohn, R. Whitley & P. Richard (Eds.). *The Social Process of Scientific Investigation*, Vol. 4. Springer Netherlands, 107–138.
14. *Potter, J.* (1988). What is reflexive about discourse analysis? The case of reading readings. In: Woolgar, S. (Ed.). *Knowledge and Reflexivity: New Frontiers in the Sociology of Knowledge*. London, Sage, Ch. 3, 37–55.
15. *Searle, J.* (1969). *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge, Cambridge University Press, 203.
16. *Stehr, N.* (1978). The ethos of science revisited: Social and cognitive norms. *Sociological Inquiry*, 48, 172–196.
17. *Travis, D.* (1981). On the construction of creativity: The "memory transfer" phenomenon and the importance of being earnest. In: Knorr, K.D., R. Krohn, R. Whitley & P. Richard (Eds.). *The Social Process of Scientific Investigation*, Vol. 4. Springer Netherlands, 165–193.

Сведения об авторе

Николіна Надежда Валерьевна – кандидат философских наук, доцент, Томский государственный университет, (ул. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия).
nikolinanadya@gmail.com

Information about the author

Nikolina Nadezhda Valer'evna – associate professor, PhD, Tomsk State University (36, Lenina st., Tomsk, 634050, Russia)
nikolinanadya@gmail.com

Дата поступления 24.12.2020